

Е.И.Зиновьева, А.С.Алёшин

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СРАВНЕНИЯ В РУССКИХ И ШВЕДСКИХ ПАРЕМИЯХ: СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ О МОЛОДОСТИ И СТАРОСТИ)

В паремиологическом фонде языка выделяются компаративные пословицы, являющиеся важнейшим разрядом с точки зрения выражения ценностных доминант. В силу особенностей структуры в данной группе паремий эксплицитно вербализованы ценности и антиценности, которые в других разрядах пословичных единиц представлены имплицитно. В статье проводится сопоставительный анализ русских и шведских пословиц компаративной структуры о молодости и старости, исследуются синтаксические модели паремий, приводится их классификация. Анализируются выражаемые идеи, образность пословиц, аксиологическая оценка. Выявляются сходства и различия пословиц двух языков, обусловленные социокультурным контекстом. Исследование осуществляется на основании данных авторитетных лексикографических источников русского и шведского языков. В результате проведенного исследования делаются выводы о том, что концепты МОЛОДОСТЬ и СТАРОСТЬ репрезентируются в компаративных пословицах двух языков прямыми и косвенными номинациями, оценка обоих возрастных периодов в сопоставляемых языках амбивалентна, но аксиологические векторы полностью не совпадают.

Ключевые слова: паремия, пословица, структурная модель, лингвокогнитивный, лингвокультурологический, ценность, антиценность

В последние годы паремии все чаще становятся объектом исследования в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах, т.к. любое лингвокультурологическое исследование одновременно является и лингвокогнитивным. Сопоставительному изучению на материале разных языков в указанных аспектах подвергаются как паремиологические единицы с определенным компонентом [см., например, 1], так и паремии отдельных тематических групп [см., например, 2].

Тематическая группа «Возраст» на материале паремий также неоднократно становилась объектом изучения исследователей. Так, в работе Фадель Аббас Марзук на материале русского языка анализируются 4 группы паремий: о старости, о противопоставлении старости и молодости, о молодости и о зрелом возрасте. Автор отмечает, что самую многочисленную группу в русском языке образуют паремии о старости, пословицы и поговорки, имеющие двухчастную структуру и параллельно рассматривающие молодость и старость, являются второй по численности группой в русском языке [3, с. 50].

В статье К.Токко исследуются концепты «МОЛОДОСТЬ» и «СТАРОСТЬ» как составляющие концепта «ВОЗРАСТ» на паремиологическом материале русского и итальянского языков. Исследователь приходит к выводу о том, что «русской языковой личности свойственна полярная оценка старости: наряду с уважением к представителям пожилого возраста, она с большим пессимизмом относится к ним, чем итальянская» [4, с. 179]. В свою очередь, итальянская языковая личность уделяет больше внимания таким качествам этого возраста, как мудрость и благоразумие, концептуализируя старость как бесценную сущность. С другой стороны, русская языковая личность воспринимает молодость более позитивно. Эта пора человеческой жизни ассоциируется с красотой, здоровьем и физической силой, вызывает оптимизм и внушает надежду на лучшее будущее [4, с. 180].

Аксиологической характеристике возраста в русской паремике посвящена статья Т.Г.Бочиной и Сян Цюнь [5]. В результате проведенного исследования авторы приходят к заключению о том, что главными ориентирами при оценивании человека с точки зрения возраста являются его физическое и интеллектуально-социальное состояние [5, с. 47].

Сравнение как одна из важных когнитивных операций помогает человеку постигать окружающий мир и самого себя в этом мире. Находя эталоны для интересующих его категорий, человек глубже познает суть этих категорий, соотносит имеющиеся у него знания о давно известном и знакомом с новыми объектами и явлениями. Пословицы компаративной структуры являются важнейшим разрядом в паремиологическом фонде языка в плане выражения ценностных доминант. Ключевые ценностные ориентации культуры, имплицитно представленные в пословицах других разрядов, могут быть наиболее эксплицитно вербализованы в компаративных паремиях в силу особенностей их структуры.

И в русских, и в шведских пословицах молодость и старость категоризируются как универсальная дихотомическая оппозиция двух антонимичных концептов. Оппозиция, являя собой противопоставление, сама по себе является одним из вариантов когнитивной операции сравнения.

Под пословицами компаративной структуры или компаративными пословицами понимаются пословицы, содержащие эксплицитно или имплицитно выраженное сопоставление.

Структурные модели, выражающие сравнительную семантику русских пословиц, классифицировались в работах С.Г.Лазутина [6] и Е.К.Николаевой [7], однако они не подвергались детальному когнитивно-семантическому анализу. Что касается разницы в количестве выделяемых указанными исследователями

разрядов пословиц компаративной структуры, то следует отметить, что в зависимости от конкретной тематической группы паремий этот параметр может варьироваться, в разных тематических группах могут преобладать различные модели. Компаративные пословицы русского и шведского языков, вербализующие оппозицию молодость — старость, до настоящего времени не являлись объектом исследования.

В данной статье проанализируем пословицы компаративной структуры о молодости и старости в русском и шведском языках на уровне их структурной организации, подразумевающей логико-синтаксическое построение, на уровне вербализуемых смыслов или идей (термин «когнитема», введенный в научный оборот Е.В.Ивановой [3, с. 43-44], использоваться не будет в силу его широкозначности и некоторой диффузности содержания) и образных средств, выявив сходства и различия, обусловленные, в том числе, социокультурными особенностями пословичных картин мира русского и шведского языков.

Материалом для исследования послужили компаративные пословицы русского языка (22 единицы) и шведского языка (17 единиц) о молодости и старости, отобранные методом сплошной выборки из следующих словарей: П.Хольм «3530 ordspråk och talesätt» [9]; Ф.Стрём «Svenska ordspråk» [10]; «Пословицы русского народа. Сборник В.Даля» [11]; «Большой словарь русских пословиц» [12].

Пословицы русского языка (22 единицы) реализуют следующие структурные модели.

1. Предложения со сравнительными оборотами, вводимыми союзами *как* и *что* (7 единиц): *Старый, что малый, а малый, что глупый; Стар, что собака, а мал, что щенок; Молода ещё девка, как о спасе ягня; Тужи по молодости, что по большой волости; Уплыли годы, как вешние воды; Старый муж, что гнилая колода лежит; В старом теле, что во льду, в старой кости сугреву нет.*

Пословицы данного разряда наиболее многочисленны в рассматриваемой нами тематической группе паремий, реализующих оппозицию «Молодость — старость». Благодаря наличию сравнительных оборотов в составе данных единиц сравнение в них выражено эксплицитно. Пословицы русского языка сравнивают старого человека с ребенком, основанием сопоставления является уровень интеллекта: *Старый, что малый, а малый, что глупый.*

Образность сравнения старого и молодого (даже детского возраста) человека достигается за счет использования зоонимов: старый — взрослая собака, а малый (молодой) — щенок: *Стар, что собака, а мал, что щенок.* При этом субъект сравнения, номинируемый прилагательным, подвергается субстантивации. Точно так же молодая девушка (степень ее молодости) сравнивается с возрастом ягненка на дату церковного праздника — Спаса: *Молода ещё девка, как о спасе ягня.* Старый муж сравнивается со сгнившим неподвижным бревном, подчеркивается присущая старости статика: *Старый муж, что гнилая колода лежит.* Старый человек постоянно мерзнет, его тело образно сравнивается со льдом.

Обращает на себя внимание представление о молодости как об огромном даре, которым владеет человек. Молодость предстает как большая административно-территориальная единица — *волость*, а потеря молодости образно сравнивается с потерей человеком больших владений: *Тужи по молодости, что по большой волости.* Годы молодости сопоставляются с вешними водами, уплывающими, отдаляющимися от человека, таким образом соединяется временной и пространственный планы, молодые годы предстают в виде хронотопа, годы метафоризируются: *Уплыли годы, как вешние воды.*

Таким образом, в русских пословицах рассмотренной модели старый человек сравнивается с ребенком, старый и молодой противопоставляются с помощью зооморфных и фитоморфного образов. Молодость как абстрактное понятие предстает в виде образов, реализующих природный и вещный коды культуры.

2. Сложносочиненные предложения с противительным союзом «а» (5 единиц): *Петухи на насест садятся, а старые люди на печь валяются; Незрел виноград — не вкусен, а молод человек — не искусен; Зелен виноград не сладок, а молод человек не крепок; Молодость да красота на время, а сердце — на век; Молодость летает вольной пташкой, а старость ползает черепашкой.*

В пословицах, представляющих данную структурную модель, старые люди сравниваются с петухами, рано ложающимися спать: *Петухи на насест садятся, а старые люди на печь валяются.*

Молодые люди сравниваются с зеленым неспелым виноградом, основанием для сравнения служит отсутствие вкуса и сладости у винограда и, соответственно, умений и духовной зрелости у молодого человека: *Незрел виноград — не вкусен, а молод человек — не искусен; Зелен виноград не сладок, а молод человек не крепок.* В первой пословице можно отметить рифму.

Молодость как абстрактное понятие сравнивается с красотой (здесь наблюдается рядоположенность этих понятий), и молодость, и красота даются человеку на короткий период времени. Молодость и красота противопоставляются сердцу, то есть характеру, доброте, чувствам, которые будут цениться до конца жизни: *Молодость да красота на время, а сердце — на век.* При противопоставлении абстрактных понятий молодости и старости они сравниваются с зооморфными образами пташки и черепахи соответственно, используются метафоры: *Молодость летает вольной пташкой, а старость ползает черепашкой.*

Отдельно следует выделить паремии, построенные по модели данного разряда, но включающие еще один компаративный компонент: *Борода с ворота, а ума с прикалток нет; Борода с воз, а ума с накопильник нету.* В данных пословицах используется сравнительная предложно-падежная конструкция «с + Винительный падеж», обозначающая большое количество чего-либо — *с ворота, с воз* и малое количество — *с прикалток, с накопильник* («продольный брус у саней, в который вставлены верхние концы копыльев»). В приведенных пословицах используются образы хозяйственно-бытовых реалий.

Таким образом, в рассмотренном разряде русских пословиц задействованы такие коды культуры, как зоонимный, фитонимический, вещный и временной.

3. Сложные бессоюзные предложения, выражающие противопоставление (2 единицы): *Два века не изживёшь, две молодости не перейдёшь; Ветер пошумит, да устанет; старая баба расходится — не скоро уймёшь.*

В паремиях данного разряда, во-первых, через сравнение левой и правой частей пословицы выражается идея о том, что как невозможно дважды прожить жизнь, так и невозможно получить вторую молодость: *Два века не изживёшь, две молодости не перейдёшь.* Предложение не имеет формального субъекта, является обобщенно-личным. Во-вторых, рассерженная старая женщина сравнивается с ветром, в отличие от которого она не скоро успокаивается: *Ветер пошумит, да устанет; старая баба расходится — не скоро уймёшь.*

Реализуются 2 кода культуры: пространственный — «*перейти молодость*» и природный — разбушевавшаяся стихия (*ветер*).

4. Предложения тождества (2 единицы): *Старость — увечье; старость — неволя; Стар да ниц — гниль да свищ.* В том числе «отрицательные предложения тождества» (по терминологии З.К.Тарланова [13]) — 1 единица: *Сусло не брага, молодость не человек.*

В данных пословицах абстрактное понятие старости отождествляется с увечьем и неволей, т.е. физическими недостатками и несвободой в собственных действиях. Старый и нищий человек отождествляются с гнилью и незаживающим нарывом. В пословице важную роль играет рифма: *Стар да ниц — гниль да свищ.* Компоненты левой и правой части пословицы ассоциативно связаны. Реализуется также идея о том, что в молодости человек еще не зрел, как сусло, которое является только сырьем для хмельного напитка: *Сусло не брага, молодость не человек.* Актуализируются духовный и телесный коды культуры.

5. Предложения, включающие модель «чем..., тем...» (1 единица): *Чем старше, тем правее; а чем моложе, тем дороже.*

Эта пословица обладает рифмованной структурой, выражает идею о том, что с возрастом человек становится мудрее, но в молодости он более привлекателен. В данной пословице субъект формально не выражен, имплицитно подразумевается, что это человек.

6. Предложения, включающие в свой состав сравнительную степень наречия (2 единицы): *При старости бедность всего хуже; Лучшие молодой, нежели старой.* В последней единице наличествует рифма.

Пословицы данного разряда выражают следующие смыслы: бедность ухудшает положение старого человека, а молодым быть лучше, чем старым.

Таким образом, концепты МОЛОДОСТЬ и СТАРОСТЬ репрезентируются не только прямыми номинациями, но и косвенными — конкретными наименованиями лиц — *молодая девка, старая баба, старый муж, молодой человек, старые люди.* Используются субстантивированные прилагательные в полной и краткой формах — *молодой (молод), старый (стар).* В ряде случаев субъект не эксплицируется, при этом используются обобщенно-личные предложения, свойственные в целом русским пословицам, категория состояния, императивное предложение. Часто в пословицах имеется синтаксический параллелизм. Оценка молодости и старости амбивалентна. Аксиологический вектор со знаком «плюс» может быть направлен как на молодого человека как репрезентанта концепта МОЛОДОСТЬ, так и на старого. Старый человек глуп, как малый ребенок; неподвижен; его не согревает кровь; старости сопутствуют бедность и болезни. Но старый человек становится с возрастом и мудрее, чаще оказывается прав. Молодой человек привлекателен внешне, но не зрел духовно, не крепок. Однако большинство пословиц компаративной структуры русского языка выделяют молодость как важную ценность, что наиболее ярко проявляется в сопоставлении с антиценностью — старостью, которая бывает отягощена другими сопутствующими признаками — болезнью, бедностью.

Крестьянским бытом, верованиями и укладом жизни среды русского народа, в которой складывались пословицы, обусловлено наличие в их составе таких лексем, как *волость, насесть, сусло, брага, печь, Спас,* формирующих образную систему рассматриваемых паремий.

Пословицы шведского языка компаративной структуры (17 единиц) используют следующие структурные модели:

1. Сложные бессоюзные предложения с противопоставлением (3 единицы): *Ungdomens kys är söt, ålderdomens besk* (Поцелуй молодости сладок, старости горек); *Ungdomen kan älska och strida, ålderdomen råda och lida* (Молодость умеет любить и сражаться, старость советовать и страдать); *Ungdomen lever på hoppet, ålderdomen på minnet* (Молодость живёт надеждой, старость — памятью).

Абстрактные понятия «молодость» и «старость» персонифицируются в данном разряде шведских пословиц. Им приписываются действия и состояния, свойственные человеку: любить, сражаться, советовать, страдать, жить, способность дарить поцелуй. Применительно к поцелую используется вкусовая метафора: *Ungdomens kys är söt, ålderdomens besk* (Поцелуй молодости сладок, старости горек). Задействован пищевой код культуры.

2. Сложносочиненные предложения с противительным союзом «och» (1 единица): *Nya kvastar sopa bäst, och unga präster dra mesta folket* (Новые метлы метут лучше всего, а молодые священники привлекают больше всего народу).

Данная паремия строится по комбинированной модели: «союзное сложное предложение + превосходная степень наречия». Для обозначения молодости используется образ молодого священника, сопоставляемого с

новой метлой по качеству выполнения своей функции: новая метла помогает наилучшим образом провести уборку, а молодой священник лучше всех привлекает народ на церковные службы.

3. Комбинация первой и второй модели — предложения с бессоюзной и союзной связью (1 единица): *Ungdomen går i flock, mandomen i par och ålderdomen ensam* (Молодость ходит стаями, зрелость парами, а старость одна).

В данной пословице находим тройственное сравнение: молодости, зрелости и старости. В паремии выражается идея о том, что в молодости человек стремится к компании сверстников, в зрелости ищет пару, а в старости обречен на одиночество. В пословице наблюдается персонификация периодов жизни человека, которые «ходят».

4. Предложения со сравнительными оборотами (2 единицы): *Ungdomen lyser som solen, ålderdomen som månen och döden som stjärnorna* (Молодость светит как солнце, старость как луна, а смерть как звёзды); *Gammal är seg som långmjölk och gummi arabicum* (Старик тягуч как кефир и гуммиарабик).

В данном разряде шведских паремий используются образы природных реалий — наименований планет: солнца, луны и звезд. Рассмотрен последовательный цикл человеческой жизни: молодость — старость — смерть: *Ungdomen lyser som solen, ålderdomen som månen och döden som stjärnorna* (Молодость светит как солнце, старость как луна, а смерть как звёзды). Интенсивность света постепенно уменьшается от этапа к этапу, при этом молодость уподобляется солнцу, которое светит днём, а старость и смерть сравниваются с луной и звёздами, присущими ночи. Старый человек сравнивается с тягучими продуктами: *Gammal är seg som långmjölk och gummi arabicum* (Старик тягуч как кефир и гуммиарабик). Актуализируется пищевой код культуры.

5. Предложения с компонентами — наречиями и прилагательными в сравнительной и превосходной степени (4 единицы): *Gammal gäck är värre än ung dåre* (Старый шут хуже молодого безумца); *Gamla stövare gör bästa jakten* (Старые гончие создают лучшую охоту); *En gammal präst vet mer än tio studenter* (Старый священник знает больше, чем десять студентов); *Ålderdomens börda är den tyngsta av alla* (Ноша старости — самая тяжёлая из всех).

Приведенные в этом разряде пословицы сравнивают старого шута и молодого безумца в пользу последнего: *Gammal gäck är värre än ung dåre* (Старый шут хуже молодого безумца). Важно отметить, что глупое и нелепое поведение, которое можно простить молодому человеку, недопустимо для старого, который должен быть умудрён жизнью и разумен. Происходит также сравнение старых гончих с молодыми в пользу старых, поскольку те хорошо знают, как нужно вести себя на охоте, имеют опыт: *Gamla stövare gör bästa jakten* (Старые гончие создают лучшую охоту); старого священника и 10 студентов в пользу священника: *En gammal präst vet mer än tio studenter* (Старый священник знает больше, чем десять студентов). В последней паремии задействована типичная для шведских пословиц компаративной структуры цифровая составляющая. Старость — тяжёлый период для человека: *Ålderdomens börda är den tyngsta av alla* (Ноша старости — самая тяжёлая из всех). В этой пословице используется весовая метафора, старость уподобляется тяжелой ноше.

В пословицах этого разряда реализуются антропоморфный, зоонимный и вещный коды культуры.

6. Предложения с конструкцией «чем..., тем...» (2 единицы): *Ju äldre man blir, ju mer måste man lära* (Чем старше становишься, тем большему нужно учиться); *Ju kortare, ju ilskare, ju äldre, ju trilsigare* (Чем короче, тем злее, чем старше, тем упрямее).

Данный разряд паремий напрямую не противопоставляет старость и молодость, а сравнивает состояние более молодого возраста и следующих за ним. Пословицы выражают идеи о том, что человеку приходится учиться не только в молодости, нужно постоянно учиться тому новому, что появляется, по мере изменения окружающей действительности. Кроме того, человек, становясь старше, становится более упрямым.

Таким образом, среди рассматриваемой тематической группы пословиц компаративной структуры шведского языка количественно преобладают модели, включающие в свой состав прилагательные и наречия в сравнительной и превосходной степени. Концептуализация молодости и старости происходит чаще за счет персонификации прямой номинации концептов МОЛОДОСТЬ и СТАРОСТЬ. Непрямыми репрезентантами концептов являются наименования конкретных лиц — *молодой священник, старый священник, старый шут, молодой безумец, студенты*. Наименование субъекта-человека может формально отсутствовать в пословице и заменяться на зоометафору — *старые гончие*. Система образов шведских компаративных пословиц создается зоонимами, наименованиями пищевых продуктов, небесных светил, наименованиями лиц. Аксиологическая составляющая молодости и старости в шведских пословицах амбивалентна: молодости свойственна надежда, сладость, но она проигрывает тяжелой старости в знаниях и опыте. Социокультурный контекст шведских паремий обусловил появление в них таких компонентов, как лексемы *священник, гончие, кефир, гуммиарабик*.

В результате проведённого анализа можно заключить, что и в русском, и в шведском языковом сознании оценка молодости и старости является амбивалентной, но при этом в обеих лингвокультурах молодость имеет намного больше положительных аксиологических векторов. Старый человек может быть умён, образован и опытен, однако этим всё равно не может компенсировать для себя потерю молодости, которая расценивается как чрезвычайно важная и невосполнимая. Это позволяет говорить о присутствии в языковом сознании обоих народов представления о молодости как о ценности в противовес антиценности — старости. При общем совпадении оценки можно выделить некоторые существенные различия между двумя лингвокультурами в рассматриваемом вопросе. Так, если русские паремии допускают снижение когнитивных способностей старого человека, уравнивая их с младенческими (*Старый, что малый, а малый, что глупый*), то шведские единицы

вербализуют представление о непремении наличия ума, опыта и знаний у старого человека (*En gammal präst vet mer än tio studenter; Gamla stövare gör bästa jakten*) и резко отрицательно маркируют возможное несоответствие этому стандарту — *Gammal gäck är värre än ung däre*.

Полученные результаты можно использовать в практике составления паремиологических и лингвокультурологических словарей, при разработке теоретических курсов по шведской и русской паремике, а также в практике преподавания шведского и русского языков.

1. Скитина Н.А., Шабанова В.П. Лингвокогнитивный аспект исследования пословиц с компонентом-ихтионимом в русском, английском и немецком языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 131-143. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-131-143
2. Исаева Э. Общее и специфическое в аварских, русских и английских пословицах о всеисильности любви: лингвокультурологический аспект // Филология и культура. 2017. № 3(49). С. 34-41.
3. Фадель Аббас Марзук. Вербализация понятия «возраст» в паремиях // Мир русского слова. 2017. № 1-2. С. 49-52.
4. Токко К. Концепты «молодость» и «старость» в русском и итальянском языках (на материале паремий) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 176-180.
5. Бочина Т.Г., Сян Цюнь. Аксиология возраста в русской паремике // Филология и культура. 2013. № 3(33). С. 44-47.
6. Лазутин С.Г. Сравнения в пословицах и поговорках // Язык и стиль произведений фольклора. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1986. С. 3-9.
7. Николаева Е.К. Устойчивые сравнения в русских пословицах // Проблемы истории, филологии, культуры: научный журнал РАН / Под ред. М.Г.Абрамзона. Вып. 3(29). Москва — Магнитогорск — Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик», 2010. С. 238-245.
8. Иванова Е.В. Концепт как одна из основных единиц когнитивной лингвистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 9. Вып. 3. С. 40-48.
9. Holm P. 3530 ordspråk och talesätt. Stockholm: Bonnier fakta, 1984. 260 s.
10. Ström F. Svenska ordspråk. Stockholm: Bokförlaget Prisma Stockholm, 1929. 396 s.
11. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1984. 399 с.
12. Мокленко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
13. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999. 448 с.

References

1. Skitina N.A., Shabanova V.P. Lingvokognitivnyy aspekt issledovaniya poslovits s komponentom-ikhtionimom v russkom, angliyskom i nemetskom yazykakh [Proverbs with component 'fish' in the Russian, English, French and German languages: linguo-cognitive aspect of the research]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seriya: Lingvistika, 2019, no. 4, pp. 131-143. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-131-143
2. Isaeva E. Obshchee i spetsificheskoe v avarskikh, russkikh i angliyskikh poslovitsakh o vsesil'nosti lyubvi: lingvokul'turologicheskiy aspekt [General and specific features in Avar, Russian and English proverbs about the omnipotence of love: linguoculturological aspect]. Filologiya i kul'tura, 2017, no. 3(49), pp. 34-41.
3. Fadel' Abbas Marzuk. Verbalizatsiya ponyatiya "vozrast" v paremiyakh [Verbalization of the "age" concept in proverbs]. Mir russkogo slova, 2017, no. 1-2, pp. 49-52.
4. Tokko K. Kontsepty "molodost'" i "starost'" v russkom i ital'yanskom yazykakh (na materiale paremiy) [Concepts youth and old age in Russian and Italian languages (on material proverbs)]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seriya: Lingvistika, 2010, no. 3, pp. 176-180.
5. Bochina T.G., Syan Tsyun'. Aksiologiya vozrasta v russkoy paremike [Axiology of age in Russian paroemics]. Filologiya i kul'tura, 2013, no. 3(33), pp. 44-47.
6. Lazutin S.G. Sravneniya v poslovitsakh i pogovorkakh [Comparisons in proverbs and sayings]. Coll. of papers "Yazyk i stil' proizvedeniy fol'klora". Voronezh, 1986, pp. 3-9.
7. Nikolaeva E.K. Ustoychivye sravneniya v russkikh poslovitsakh [Set similes in Russian proverbs]. Problemy istorii, filologii, kul'tury: nauchnyy zhurnal RAN, 2010, iss. 3(29), pp. 238-245.
8. Ivanova E.V. Kontsept kak odna iz osnovnykh edinit knognitivnoy lingvistiki [Concept as one of the basic notions of cognitive linguistics]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006, Ser. 9, iss. 3, pp. 40-48.
9. Holm P. 3530 ordspråk och talesätt. Stockholm, 1984. 260 p.
10. Ström F. Svenska ordspråk. Stockholm, 1929. 396 p.
11. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people] in 2 vols, vol. 2. Moscow, 1984. 399 p.
12. Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoy slovar' russkikh poslovits [Big dictionary of Russian proverbs]. Moscow, 2010. 1024 p.
13. Tarlanov Z.K. Russkie poslovitsy: sintaksis i poetika [Russian proverbs: syntax and poetics]. Petrozavodsk, 1999. 448 p.

Zinovieva E.I., Alyoshin A.S. Verbalization of comparison in Russian and Swedish paroemias: semantic-cognitive interpretation in socio-cultural context (on the material of proverbs about youth and old age). In the paroemiological fund of the language, comparative proverbs, which are the most important category in terms of expressing value dominants, are distinguished. Due to the peculiarities of the structure in this group of proverbs, values and anti-values, which are presented implicitly in other categories of proverbial units, are explicitly verbalized. The article provides a comparative analysis of Russian and Swedish proverbs of comparative structure about youth and old age, examines the syntactic models of proverbs and provides their classification. Expressed ideas, figurativeness of proverbs and axiological assessment are analyzed. The similarities and differences between the proverbs of the two languages, due to the socio-cultural context, are revealed. The study is carried out based on the data from authoritative lexicographic sources of the Russian and Swedish languages. As a result of the study, conclusions are drawn that the concepts of YOUTH and OLD

AGE are represented in the comparative proverbs of the two languages by direct and indirect nominations, the assessment of both age periods in the compared languages is ambivalent, but the axiological vectors do not completely coincide.

Keywords: paroemia, proverb, structural model, linguocognitive, linguoculturological, value, anti-value.

Сведения об авторах. Елена Иннокентьевна Зиновьева — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета; ORCID: 0000-0001-6253-9739; Алексей Сергеевич Алёшин — кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича; ORCID: 0000-0001-6058-8844; alexis001@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.08.2022. Принята к публикации 01.09.2022.

Ссылка на эту статью: Зиновьева Е.И., Алешин А.С. Вербализация сравнения в русских и шведских паремиях: семантико-когнитивная интерпретация в социокультурном контексте (на материале пословиц о молодости и старости) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 5(44). С. 546-551. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).546-551

For citation: Zinovieva E.I., Alyoshin A.S. Verbalization of comparison in Russian and Swedish paroemias: semantic-cognitive interpretation in socio-cultural context (on the material of proverbs about youth and old age). Memoirs of NovSU, 2022, no. 5(44), pp. 546-551. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).546-551